

ГЛАВА VII.

На мирномъ положеніи въ два короткія царствованія Императрицы Екатерины I-й и Императора Петра II-го.

(1725—1730 г. г.)

Приведеніе полка въ 2-хъ баталіонный составъ и окончательное устройство для него вѣчныхъ квартиръ на Каширѣ, — вотъ какое богатое наследіе досталось Рязанцамъ отъ незабвеннаго, только что минувшаго царствованія Великаго Петра. На исполненіи этихъ двухъ указовъ должна была сосредоточиться пока вся дѣятельность полковаго управленія.

Зима 1725 года уже приближалась къ концу. Былъ мартъ мѣсяць, когда Рязанскій полкъ перешелъ для работъ на Ладожскій каналъ. Тамъ то имѣлъ произойти пріемъ рекрутовъ, обмундированія и снаряженія для новыхъ 4-хъ ротъ.

Дѣло формированія само по себѣ не легкое, а въ особенности при тогдашнихъ условьяхъ, въ высшей степени затруднялось распоряженіемъ, дабы полки сами заготовляли мундирную одежду и обувь.¹ Правда, въ силу полковничьей инструкціи,² это лежало на обязанности части, но Военная Коллегія, въ данномъ случаѣ, не принявъ во вниманіе состоянія одnobаталіоннаго Рязанскаго полка, отнеслась къ дѣлу чисто съ формальной стороны. Не говоря о томъ, что для такихъ работъ въ баталіонѣ не могло найтись достаточнаго числа мастеровыхъ, на первый планъ выдвигался вопросъ денежный. Какъ извѣстно, расходы по укомплектованію полка отнесены были покойнымъ Императоромъ на штрафные деньги, взимаемые за пропуску и утайку душъ. Деньги эти, уже въ началѣ января 1725 года, находились полностью въ распоряженіи

Военной Коллегіи, но выдача ихъ затягивалась.³ Мало того. Военная Коллегія, почему то, полагая, что подушные деньги за январскую треть того же года имѣются уже въ полку налицо, приказала расходовать ихъ, заготовляя все необходимое, чтобы, когда рекруты придутъ, задержки не было.⁴ Вопросъ о штрафныхъ деньгахъ былъ такимъ образомъ обойденъ. Но къ несчастью въ полку подушныхъ суммъ то не оказалось. Только во второй половинѣ марта, видя полную несостоятельность полка, Военная Коллегія ассигновала 1111 рублей 11 $\frac{1}{3}$ коп., по расчету (на 446 человекъ вновь прибывающихъ рекрутъ): 1099 рублей 91 $\frac{1}{3}$ коп. на мундиры и обувь и 11 рублей 20 коп. на галстуки, съ условьемъ— вернуть ихъ при первой получкѣ подушнаго сбора. Сумма эта однако еще и въ июнѣ не была возвращена, а все продолжала числиться за полкомъ.⁵

Вообще, съ первыхъ же дней новаго царствованія, замѣтно стало отсутствіе желѣзной настойчивости Петра I-го. А тутъ еще дѣла съ Турціей принимали неблагоприятный оборотъ; предвидѣлась возможность скорого похода. Это послѣднее обстоятельство заставило наконецъ вмѣшаться въ вопросы о формированіи новыхъ частей всесильнаго князя А. Д. Меншикова, энергичнаго носителя петровскихъ традицій, въ особенности, во всемъ томъ, что касалось арміи. Рядъ предписаній, наставленій и запросовъ Военной Коллегіи быстро подвинулъ впередъ дѣло заготовокъ.⁶ Изъ с.-петербургскихъ магазиновъ стали свозить на каналь предметы снаряженія, недостающія вещи покупались въ городѣ. Въ Москву, въ контору Военной Коллегіи, посланы указы, дабы безъ замедленія сапоги, мундиры и проч., шились гарнизонными солдатами.⁷ Указомъ 19-го апрѣля къ этой же работѣ привлечены были и мастеровые Ингерманландскаго, Астраханскаго, Лефортовскаго и Бутырскаго полковъ.⁸ За недостаткомъ въ казенныхъ складахъ зеленого сукна разрѣшено отступленіе отъ утвержденныхъ образцовъ и повелѣно зеленое сукно употреблять только на мундиры, епанчи же шить красныя, съ синимъ каразейнымъ подбоемъ.⁹

Обладая такими свѣдѣніями, мы не въ состояніи однакожъ точно опредѣлить день окончанія всѣхъ работъ и сформированія 2-го баталіона. Изъ „реестровъ сочиненныхъ въ 1725 году,

и присланныхъ отъ разныхъ командъ рапортовъ“, ¹⁰ видно, что въ Рязанскомъ полку, до іюня мѣсяца, состояло всѣхъ чиновъ 710 человекъ. Некомплектъ, такимъ образомъ, составлялъ 739 человекъ; для пополненія некомплекта въ теченіи мая поступило 441 рекрутовъ. Тамъ же значится, что прибывающіе съ апрѣля м-ца рекруты, во всѣ 14 пѣх. полковъ, бывшихъ на каналѣ, общей массой, въ 4467 человекъ, составляли отдѣльную команду, не разбитую по полкамъ, въ ожиданіи заготовленія мундировъ, обуви и проч. Съ 1-го же іюня, по вѣдомостямъ, рекрутовъ нигдѣ не встрѣчаемъ и полкъ достигаетъ цифры 1237 человекъ, съ некомплектотъ, все таки, въ 212 человекъ служащихъ и неслужащихъ. 1-е іюня 1725 года слѣдуетъ, такимъ образомъ, считать днемъ, когда Рязанскій полкъ является опять въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ находился до выдѣленія 1-го баталіона въ Низовый корпусъ.

Составъ полка за то нѣсколько измѣнился введеніемъ въ штатъ его гренадерской роты. Рота эта указомъ, 10-го мая 1725 года, перечислена была цѣликомъ изъ родного Рязанцамъ гренадерскаго Кампенгаузена полка, взаменъ убывшей туда отъ насъ одной фузелерной роты.¹¹ Такое перемѣщеніе было слѣдствіемъ переформирования гренадерскаго Кампенгаузена полка въ пѣхотный.¹²

Число ротъ въ полку по этому осталось прежнее, измѣнилось только названіе и назначеніе одной изъ нихъ: семь фузелерныхъ и одна гренадерская. Что же касается времени прибытія въ полкъ гренадеръ, то, какъ видно изъ приведенныхъ выше реестровъ, оно не могло состояться ранѣе переформирования полка въ 2-хъ баталіонный составъ.

Если дѣла комплектованія встрѣчались съ трудно одолимыми препятствіями, что же могло ожидать такую крупную реформу, какъ устройство для полка вѣчныхъ квартиръ? Здѣсь отсутствіе всеобъединяющей воли Петра стало еще замѣтнѣе. Не успѣли похоронить Императора, какъ въ Сенатѣ поднялся вопросъ объ уменьшеніи подушнаго налога. Главными причинами этого выставались: 1) неурожай въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; 2) притѣсненія крестьянъ офицерами, взимающими налогъ безпощадно; 3) сборъ подушныхъ съ наличныхъ крестьянъ, за отданныхъ въ рекруты,

умершихъ, бѣглыхъ, дрыхлыхъ, увѣчныхъ и младенцевъ. Тяжелое положеніе крестьянъ существовало несомнѣнно, но и проекты къ улучшенію ихъ быта выходили за предѣлы возможнаго. Указомъ 5-го февраля Императрица повелѣла убавить 4 коп. изъ 74 коп. подушныхъ денегъ.¹³ Но это многимъ показалось мало. Сенатъ предложилъ даже уменьшить число войскъ, содержать полки только на половинномъ жалованіи и, оставляя подушный сборъ въ 70 коп., въ видѣ исключенія, взимать въ теченіи 1726 года по 60 коп.¹⁴ Уменьшеніе подушнаго налога даже на 4 коп. не могло не отразиться на матеріальномъ благосостояніи полка, гдѣ, какъ извѣстно, все было рассчитано въ обрѣзъ, безъ излишней экономіи. Въ замѣнъ убавленныхъ подушныхъ денегъ, войска не получили ничего изъ другихъ источниковъ государственнаго дохода. Все разбивалось о роковыя слова: полное разстройство финансовъ.

Вопросъ о вѣчныхъ квартирахъ не ограничился одними только измѣненіями въ подушномъ сборѣ. Почти одновременно, а именно 12-го февраля, читаемъ въ Высочайшемъ Указѣ: „нынѣ Намъ извѣстно, что отъ строенія полковыхъ квартиръ великая тягость народу. Лѣсъ дорогъ и возить его далеко... За мѣста подъ квартиры крестьяне платятъ тѣ же деньги, которые собираются съ тѣхъ же мужскихъ душъ... Того ради, Ея Величества указала: гдѣ лѣсъ заготовленъ изъ него чинить одни штабные дворы, шпитали, сараи на телѣги и кончить это въ 1726 году, а гдѣ лѣсу нѣтъ, то заготовлять въ 1725 году жителями, гдѣ полговъ нѣтъ, и чтобы готово было въ теченіи четырехъ лѣтъ; а гдѣ полки вступили въ вѣчныя квартиры, то быть имъ по хатамъ.“¹⁵

Указъ этотъ сокращалъ такимъ образомъ число полковыхъ построекъ до $\frac{1}{4}$ части прежде положенныхъ, да и самый срокъ строенія растягивался на цѣлые годы. Несмотря на это, недорозумѣнія и просто таки столкновенія между приставленными къ дѣлу военными и гражданскими властями все усиливались. Военное начальство жаловалось на безпокойствіе комитовъ, на совершенную распущенность мѣстныхъ властей, а эти послѣднія обвиняли войска въ буйствѣ, безчиніи и лихоимствѣ. Доносы и безпрерывныя жалобы не прекращались. Военная Коллегія, въ отвѣтъ на это, приказывала: кромѣ подушныхъ денегъ съ жителей ничего

не собирать болѣе, а, что понадобится, покупать на наличные деньги; объ этомъ объявлено было народу. Дабы еще болѣе сократить произволъ, запрещено, впредь по 27-е апрѣля 1727 года, править ведомки прежнихъ лѣтъ, а представлять объ нихъ вѣдомости въ Сенатъ.¹⁶

Разбираясь въ этомъ хаосѣ противорѣчій, взаимныхъ обвинений, льготъ и послабленій, ясно одно, что современные правители не въ состояннн были выполнить намѣченной Петромъ программы, а отказаться отъ нея не хватало духу, хотя бы только изъ одного уваженія къ памяти почившаго Преобразователя Россіи. Слабостью правительства не замедлили, конечно, воспользоваться крупные землевладѣльцы, люди съ большимъ вліяніемъ, которымъ вовсе не нравилось раздѣленіе власти надъ крестьянами—между ними и военнымъ элементомъ. Къ помѣщикамъ примкнула администратія, ради личныхъ выгодъ, создавъ, такимъ образомъ, тормозъ едва ли не самый главный въ предпринятой реформѣ. Всѣ вышеизложенные данные, характеризующіе первыя столкновенія при постройкѣ полковыхъ квартиръ, не коснулись непосредственно нашего полка, временно пребывающаго на Ладожскомъ каналѣ. Вся тяжесть ихъ легла пока на подполковникѣ Барыковѣ, строящемъ полковой дворъ въ Каширѣ.

Печальное состояніе арміи, начавшееся безспорно со смертью Петра I, когда даже, спустя пять лѣтъ, высшее въ Россіи учрежденіе, Верховный Тайный Совѣтъ, въ своемъ докладѣ, сознается, что армейскіе полки не свидѣтельствованы съ того времени, когда начался подушный сборъ, способствовало такимъ упущеніямъ, что возстановить во всѣхъ подробностяхъ настоящей ходъ построекъ нѣтъ возможности.¹⁷ Ежели это вѣрно для полковъ, бывшихъ съ первыхъ дней на мѣстахъ своихъ квартиръ,—что же сказать о ничтожной командѣ въ глухомъ Каширѣ! Единственное дѣло о сборѣ Рязанскимъ полкомъ подушныхъ денегъ, значущееся по описямъ московскаго архива, отмѣчено утеряннымъ.¹⁸

Въ свое время мы вернемся еще разъ къ вопросу о каширскихъ постройкахъ, пользуясь косвенно относящимися къ нимъ документами, пока же отмѣтимъ, что, въ концѣ 1725 года, съ подполковникомъ Барыковымъ, въ Каширѣ, находилась команда изъ

1 ундеръ-штабного чина, 5 оберъ-офицеровъ, 168 рядовыхъ и 11 нестроевыхъ.¹⁹ Рязанскіе постройкі, въ объемъ все чаще и чаще измѣняющейся правительственной программы, какъ увидимъ въ слѣдствіи, несомнѣнно успѣшно производились, а предварительное водвореніе въ нихъ полка началось съ мая 1725 года перевозкой изъ Ярославля части оставленнаго тамъ полкового имущества, подъ наблюденіемъ прапорщика Топтикова.²⁰

Сомнѣній въ переходѣ полка на Каширь, несмотря на очевидныя колебанія правительства, существовать не могло, да и думать объ этомъ некогда было. Подполковникъ Барыковъ хлопоталъ въ Каширь, полкъ усердно работалъ въ то время на Ладожскомъ каналѣ.

„Сей великій и славный каналъ, которому подобнаго, по ширинѣ и глубинѣ, въ свѣтѣ не имѣется“, какъ говорилъ Минихъ,²¹ быстро приближался къ окончанію, но цѣною большихъ напряженій силъ и здоровья работающихъ солдатъ. При всемъ этомъ, грутой, вспыльчивый нравъ главнаго руководителя г.-л. Миниха давалъ себя чувствовать всеѣмъ безъ исключенія.²² Оставалась одна надежда, что, авось, выполненъ будетъ, хотя тотъ указъ Петра I-го, коимъ, съ 1726 года, повелѣвалось—армейскіе полки замѣнить на работахъ гарнизонными. Будущее оправдало такое предположеніе и Рязанцы, отмѣчая на страницахъ своей исторіи послѣдній годъ пребыванія на Ладожскомъ каналѣ, съ гордостью могутъ указать на существующее донинѣ сооруженіе, какъ на результатъ тяжелыхъ ихъ трудовъ въ короткіе промежутки мирнаго времени, отъ одной войны къ другой. Съ наступленіемъ осени работы въ большихъ размѣрахъ прекратились и Рязанскій полкъ перешелъ въ Шлюссельбургъ, на указанныя ему тамъ винтеръ-квартиры. На Ладожскомъ каналѣ оставались только для карауловъ и возки матеріаловъ 3 ниж. чин., да больныхъ и у надзираія за ними 37 человекъ. Дошедшіе до насъ рапорты, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ пребыванія полка на работахъ и къ первымъ недѣлямъ стоянки въ Шлюссельбургѣ, достаточно разъясняютъ условья нашей внутренней жизни.²³ Первое, что поражаетъ, это большая разбросанность полкового имущества, сложеннаго частью въ Ладогѣ, частью въ другихъ „тамошнихъ, ближнихъ мѣстахъ.“ Навѣрное это

вызывалось самимъ ходомъ работъ, но мы знаемъ, какъ полкъ не былъ богатъ имуществомъ, разброска котораго требовала большого расхода командированныхъ, для карауловъ и т. д., чѣмъ ослаблялась и безъ того не важная строевая подготовка. Расходъ людей въ полку достигалъ въ то время цифры 417 человекъ, уменьшая число наличныхъ до 700—800 ч. Въ теченіи продолжительнаго періода такое явленіе стало нормальнымъ. Съ этого же времени начались постоянныя командировки отъ полка нижнихъ чиновъ и офицеровъ въ Низовый корпусъ, что вызывалось особенными условиями его службы. Хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но военныя дѣйствія въ странахъ Кавказа не прекращались и, въ общемъ, смѣло можно сказать, что, на ряду съ мирной, непрерывно шла боевая служба Рязанцевъ, представителями которыхъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ въ то время были: 5 оберъ-офицеровъ и 163 нижнихъ чиновъ.

И такъ, прибытіемъ въ Шлюссельбургъ, завершили Рязанцы, памятный смертью Великаго Царя 1725 годъ. Первые недѣли прошли въ безмятежномъ спокойствіи, но, съ конца января 1726 года, стали получаться такія распоряженія, которыя слѣдовало считать предвѣстниками чего то очень серьезнаго. Что строевой отдѣлъ образованія не могъ стоять въ полку высоко, это весьма понятно, если вспомнимъ прошлогоднія занятія и молодой составъ только что одѣтыхъ съ большимъ трудомъ въ военное платьѣ рекрутъ. Со временемъ, постепенно, надѣялись пополнить этотъ пробѣлъ. Какъ вдругъ, указъ 24-го января призывалъ полкъ къ самой живой дѣятельности. „Приступить немедленно,“ читаемъ въ указѣ,²⁴ „къ обученію экзерциціи по капральствамъ, которую производить ежедневно. Разъ въ недѣлю ротное ученіе, а полковое одинъ разъ въ мѣсяць. Нынѣ,“ читаемъ далѣе, „выдать на каждого человека по 1½ ф. пороху, дабы старые ученаго не забывали, а новые рекруты приведены были въ добрый порядокъ.“ Обученіе рекрутъ повелѣвалось окончить въ два мѣсяца, для чего въ каждой ротѣ опредѣлить по нѣсколько человекъ старыхъ солдатъ „и затѣмъ обученіемъ смотрѣть офицерамъ.“ Указъ кончался такимъ предостереженіемъ. „Понеже въ мартѣ и апрѣлѣ полкамъ будетъ генеральный смотръ, а тѣ рекруты въ порядкѣ не будутъ, или въ ружьяхъ явится неисправность, и за то штабъ и оберъ-офицеры

суждены будутъ войскимъ судомъ.“ Последнее прямо напоминало недавно минувшее—петровское. Оставалась непонятной только послѣдшность обученія въ суровое зимнее время. Но черезъ недѣлю послѣдовалъ опять новый приказъ, не менѣе важный.²⁵ „Для взятія въ полки медикаментовъ послать кантенармусовъ въ ближнія аптеки и имѣть для возки ихъ въ полку двѣ излишнія лошади. При полковыхъ лѣкаряхъ,“ читаемъ тамъ же, „содержать по два ученика изъ солдатскихъ дѣтей, знающихъ арифметику и грамоту и, когда выучатся, давать аттестаты. Докторамъ освидѣтельствовать ихъ и назначить достойныхъ въ полки лѣкарями, и дать имъ ранги подпрапорщика.“ Последнее, выясняя комплектованіе врачебнаго персонала, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывало на возможность скорого похода, готовиться къ которому дѣйствительно повелѣвалось, полученный вскорѣ, указъ отъ 1-го февраля.²⁶ „Полкамъ быть къ походу въ полной готовности“, гласилъ онъ, „и какъ въ полкъ другой указъ получитъ, то маршировать немедленно“. Пѣхотѣ для сбора давалось 4 дня, кавалеріи 8. Кромѣ мѣсячнаго запаса сухарей, да на такую же пропорцію муки, болѣе провіанта при полку въ походѣ имѣть воспрещалось.

Куда же вели эти указы полкъ? Какая и откуда опасность угрожала Россіи? На это отвѣта пока не было; все ограничивалось короткимъ опредѣленіемъ: готовиться къ маршу въ С.-Петербургъ, гдѣ и поступить въ команду генерала Ласси.²⁷ Дружно закипѣла работа, но при тяжелыхъ условьяхъ, въ особенности для Рязанскаго полка. Находясь временно внѣ своихъ вѣчныхъ квартиръ, полкъ очутился въ положеніи вовсе не благопріятствующемъ быстрому выступленію въ военный походъ. Одна часть полкового имущества уже находилась въ Каширѣ, другую—перевозили туда. Слѣдующая полку, по сроку 1726 года, оружье, амуниція, сукно на постройку мундировъ, отправлялись изъ московскихъ магазиновъ тоже въ Каширѣ, что совершенно понятно. Съ указами—пріостановить отправленіе вещей на вѣчныя квартиры и направить ихъ немедленно, зимнимъ путемъ, къ С.-Петербургу, поскакали курьеры въ Москву, въ Каширу, въ Военную Коллегію и въ Кригсъ-Комисаріатъ.²⁸ Естественно, это требовало не мало времени, и раньше весны окончено быть не могло.

Посмотримъ теперь, что же происходило въ полку,—какъ онъ то самъ справлялся съ данною ему задачей? Разъясненіе этого вопроса тѣмъ болѣе интересно, что можетъ уяснить намъ степень готовности полка, сейчасъ же, вслѣдъ за сформированіемъ цѣлой, новой половины его. Воспользуемся для этого донесеніемъ генерала Ласси, отъ 7-го февраля 1726 года.²⁹ „Рязанскаго полку полковникъ Фосъ предъявилъ мнѣ,“ пишетъ Ласси, „что прошлаго ноября 1725 года, по ордеру г.-л. Миниха, оставлено отъ полку, при выступленіи въ Шлюссельбургъ, при канальной работѣ, кузнецы: Спиридонъ Сорокинъ, Петръ Измайловъ, Федоръ Долгой, которые въ полкъ еще не отпущены, а нынѣ при полку много оковки на новоучиненный баталіонъ къ ящикамъ натроннымъ, да къ 33 фурманамъ, а при полку кузнецовъ мало.“ Въ заключеніе Ласси просилъ вернуть 3-хъ нижнихъ чиновъ. Изъ краткой бумаги этой видно, что обозъ для 2-го баталіона, по крайней мѣрѣ, спустя почти годъ послѣ его сформировація, готовъ не былъ. Самый фактъ отношенія въ Государственную Военную Коллегію о высылкѣ 2-хъ кузнецовъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о затруднительномъ положеніи полка въ моментъ приказа о выступленіи. Ходатайство г. Ласси, конечно, было уважено и кузнецы возвращены—„понеже,“ какъ писали изъ Военной Коллегіи, „Рязанскому полку велѣно быть для маршированія въ С.-Петербургъ во всякой готовности и при полку работа будетъ.“³⁰ Въ болѣе лучшемъ видѣ находилось состоящее въ полку артиллерійское имущество, хотя, все же, требовалось на перемѣну, какъ негодныя, 110 шпагъ, 128 фузей и 15 паръ пистолетовъ.³¹ Приготовленія къ походу требовали не мало хлопотъ. Вездѣ *обязывались недочеты, а не законченная строевая подготовка полка* тяжелымъ бременемъ ложилась на наше командирѣ полковникѣ Фосъ. Были бы еще помощники! Но въ полку, съ отъѣздомъ подполковника Барыкова въ Каширь, на лицо не находилось ни одного штабъ-офицера. Прошло цѣлыхъ 4 мѣсяца, когда полкъ находился уже въ С.-Петербургѣ, г. Ласси рѣшилъ наконецъ, въ виду крайней необходимости, перевести къ намъ изъ С.-Петербургскаго полка майора Зыбина, да и то по собственному его желанію. Майоръ Зыбинъ мотивировалъ прошеніе о переводѣ близостью его родовой деревни къ г. Каширу.³² Но какъ все имѣетъ свой конецъ, такъ и Рязанцы справились по долгу чести и присяги съ пренятствіями,

и потянулись весною къ хорошо знакомому имъ Петербургу. У этого города, подъ общимъ начальствомъ г. Ласси, сталъ лагеремъ корпусъ изъ 16 пѣхотныхъ полковъ. И времени и мѣста для веденія строевыхъ занятій было теперь вполне достаточно. Вскорѣ, не замедлили выясниться и причины, заставившія насъ такъ поспѣшно распрощаться съ Шлюссельбургомъ и отерочить, Богъ знаетъ на сколько, выступленіе на вѣчныя квартиры. Дѣло въ томъ, что политическія обстоятельства того времени рѣзко раздѣлили Европу на два враждебныхъ другъ другу лагеря: англо-французскій и австро-испанскій. Россіи, проникнутая несомнѣнно самыми миролюбивыми намѣреніями, уже ради своего внутренняго устройства, все таки, для возстановленія пошатнушагося равновѣсія, а главное изъ за дѣлъ голштинскихъ, примкнула къ Австріи. Претензіи герцога Голштинскаго, зятя Императрицы, на Шлезвигскую провинцію открыто поддерживались Россіею. Англія и Франція, гарантировавшая Даніи спокойное владѣніе этими землями, подозрительно слѣдили за всѣми дѣйствіями русскаго правительства. Насъ обвиняли въ приготовленіяхъ къ нападенію на слабую Данію, въ желаніи произвести смуту на сѣверѣ и т. д. Въ маѣ мѣсяцѣ англійская эскадра, безъ объявленія войны, появилась на водахъ Балтійскаго моря, въ виду Ревеля, ради предотвращенія опасности, могущей произойти отъ русскихъ вооруженій, какъ говорили англичане.³³ Но война была мало вѣроятна: разъ, что ее не желали, а во вторыхъ, противники воочью убѣдились въ готовности къ ней съ русской стороны. Поспѣшность приготовленій къ походу, скромные, но добросовѣстные труды Рязанцевъ, значить, не пропали даромъ, а принесли плоды. При всемъ томъ, надлежало быть насторожѣ. Изъ заграницы получались извѣстія, что Англія готовитъ коалицію противъ Россіи, изъ Даніи и Швеціи—и что къ веснѣ слѣдующаго 1727 года можно ожидать съ ихъ стороны объявленія войны.³⁴ Полки команды г. Ласси вслѣдствіе этого не были распущены и съ наступленіемъ осени расположились на винтеръ квартирахъ по близости Петербурга. Рязанскій полкъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, въ г. Шлюссельбургѣ.³⁵ Такимъ образомъ, на этотъ разъ, чисто политическаго свойства причины задерживали Рязанцевъ на Балтійскомъ побережьи. Въ теченіи зимы, тѣмъ временемъ, послѣдовали событія, въ конецъ измѣнившія намѣченную Петромъ I-мъ реформу

о вѣчныхъ квартирахъ. Вопросъ квартирный не переставалъ быть на очереди, а осенью 1726 года поднятъ былъ во всемъ своемъ объемѣ. Разсужденія объ облегченіи участи крестьянъ продолжались и въ 1727 году и, наконецъ, разрѣшились рядомъ указовъ, свидѣтельствующихъ насколько современнымъ правителямъ показалась обширной программа Преобразователя Россіи. 30-го января рѣшено вывести изъ уѣздовъ—генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которые находились у сборовъ и ревизій; подушный сборъ возложенъ на воеводъ, а въ помощь имъ придано по одному штабъ-офицеру; отъ Рязанскаго полка остался подполковникъ Барыковъ. Но, чтобы у воеводъ не было съ офицерами распри, данъ имъ чинъ полковничій, на все время пока будутъ воеводами. Какъ офицеры, такъ и воеводы подчинялись губернаторамъ. За майскую треть текущаго года повелѣвалось подушныхъ не собирать, а недоимки править на помѣщикахъ, прикащикахъ, старостахъ и выборныхъ, какъ на главныхъ виновникахъ этихъ недоимокъ.³⁶ Считали для крестьянъ тяжелой подушную подать, но въ дѣйствительности не она была страшна, а люди, приставленные взимать ее, и желающіе кормиться на счетъ крестьянъ. Это было зло, наслѣдованное отъ древней Руси; съ нимъ боролся Петръ и не соблазнился легкостью и искоренить его. Но люди, оставленные Петромъ Россіи, не имѣли Его вѣры въ способности русскаго народа,—испугались и отступили назадъ.

Приведенныя выше мѣры, удаляющія военныхъ отъ крестьянъ, показали однако же недостаточными. 25-го февраля читаемъ въ указѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта.³⁷ „Отъ постройки вѣчныхъ квартиръ происходятъ большія неудобства; солдаты разбросаны, безъ присмотра, чинятъ обиды крестьянамъ и помѣщикамъ. Кромѣ того, содержаніе построекъ, а особливо, гдѣ полки въ походѣ, требуютъ большихъ расходовъ... того ради, Ея Величество повелѣла: полки селить при городахъ, лучше при тѣхъ которые прилегли къ границѣ, гдѣ хлѣбъ дешевле, какъ преждѣ были, близъ Москвы—гвардія, Бутырскій и Лефортовскій.“ Такъ упитожена была наша военная колонія на Каширѣ, которую видѣть даже Рязанскому полку не пришлось. Въ началѣ этого же года, но немного раньше, а именно 16-го февраля, полкъ потерялъ и свое историческое наименованіе, съ которымъ связано было столько воспоминаній. Какъ извѣстно,

Московская провинція считалась намъ близкой—и по всему содержанию получаемому оттуда и по назначеннымъ квартирамъ. Указъ 16-го февраля присваивалъ полкамъ названія отведенныхъ имъ провинцій. Такимъ образомъ, Рязанскій полкъ переименованъ былъ въ Московскій. Но какъ на Московской провинці числилось 4 драгун. и 21 пѣх. полковъ, то, по необходимости, пришлось различать ихъ номерами. Бывшимъ Рязанцамъ присвоенъ № 6. Переимѣна эта имѣла однакожъ чисто эпизодическое значеніе и просуществовала всего лишь до 13-го ноября.³⁸ Насколько она не приживалась, можно судить по документамъ даже высшихъ учреждений, какъ—Военная Коллегія, Верховный Тайный Совѣтъ, гдѣ наименование: „Рязанскій пѣхотный полкъ“ не исчезаетъ.

Рядомъ приведенныхъ указовъ очутились Рязанцы, что называется, безъ мѣста. Старое отмѣнили, а новое только еще впереди. Задаваться однако вопросами—чѣмъ, и когда все это кончится? не приходилось. Слишкомъ ужъ много было своего, болѣе близкаго, неотложнаго. Взять, хотя бы, на примѣръ, ожидаемое весною выступленіе къ С.-Петербургу. На сколько можно судить по официальнымъ даннымъ, въ началѣ мая, полкъ находился уже на пути къ столицѣ, какъ вдругъ пришла вѣсть о кончинѣ Императрицы Екатерины I-й. Манифестомъ отъ 8-го числа объявлено о вступленіи на престолъ „по testamentу“ одиннадцатилѣтняго Петра II-го, которому Рязанцы тутъ же присягнули.³⁹ Новое царствованіе сразу разсѣяло грозовыя тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ съ запада. Герцогъ Голштинскій вскорѣ оставилъ Россію, что наглядно свидѣтельствовало объ отступленіи нашего правительства, хотя бы временно, отъ поддержки притязаній герцога. Основательныхъ причинъ, задерживающихъ полкъ на сѣверѣ, такимъ образомъ, болѣе не существовало. Съ минуты на минуту надлежало ожидать новыхъ приказаній.

Въ С.-Петербургѣ, въ командѣ г.-л. Волкова, замѣнившаго г. Ласси, пробыли Рязанцы до іюля мѣсяца, занимая караулы и, по всей вѣроятности, приняли участіе въ печальныхъ церемоніяхъ по случаю погребенія Императрицы.⁴⁰ Съ іюля мѣсяца полкъ нашъ перешелъ въ Бронштадтъ, гдѣ, совмѣстно съ Нижегородскимъ пѣх. полкомъ, сталъ къ компантѣ.⁴¹

Новое царствованіе, между тѣмъ, продолжало разрабатывать въ деталяхъ февральскій указъ о поселеніи войскъ слободами, при городахъ. На запросъ Верховнаго Совѣта о размѣщеніи полковъ, Военная Коллегія высказала между прочимъ мнѣніе, что Рязанскій полкъ слѣдуетъ поставить по старому росписанію т. е. у г. Каширы.⁴² Мнѣніе это подано было въ іюнѣ, но въ манифестѣ отъ 4-го іюля читали Рязанцы: „полки въ Московской губерніи поставить по мнѣнію Военной Коллегіи, исключая подмосковныхъ городовъ: Коломны, Каширы и Серпухова. Въмѣсто этихъ городовъ полки поселить на Вележѣ, на Елифани и въ другихъ городахъ, гдѣ можетъ быть выгоднѣе урожаемъ хлѣба и сѣнами, по разсужденію Военной Коллегіи.“⁴³ Такое „разсужденіе“ состоялось на слѣдующій же день и, Указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Рязанскому полку велѣно поселиться у г. Елифани.⁴⁴

Вопросъ о полковыхъ слободахъ слѣдовало считать законченнымъ. Надѣялся на отмѣну, къ которой было привыкли, не приходилось, ибо приказъ Военной Коллегіи точно повелѣвалъ: „полкамъ, которыхъ квартиры около Москвы и далѣе, выступать 1-го сентября.“⁴⁵ Въ города, лежащіе по пути движенія, гдѣ нѣтъ магазиновъ, тотъ же указъ требовалъ высылки провіантмейстеровъ, дабы они съ губернаторами и воеводами все заготовили, „покупая безъ фальши и излишней передачи.“

По прибытіи въ Елифань, дѣятельность полка такъ опредѣляла данная ему инструкція.⁴⁶ „Для строенія полкового двора и слободъ губернаторамъ и воеводамъ выдать тотчасъ же лѣсъ изъ государственныхъ, дворцовыхъ, оброчныхъ, архіерейскихъ, кромѣ помѣщичьихъ, дачь. Лѣсъ рубить солдатамъ, а, что срубить, свозить, чтобы въ лѣсахъ срубленнаго не оставалось. Съ весны начать постройку, на мѣстахъ отведенныхъ губернаторами, причемъ, строить самъ полкъ, со всей прилежностью, по прежнимъ т. е. петровскимъ рисункамъ, а кончать работы въ 3 года.“ Старыя постройки, на бывшихъ вѣчныхъ квартирахъ въ Каширѣ, повелѣвалось свозить въ Елифань зимнимъ путемъ, или весною—водою, а нѣтъ—то продать. „А ежели купцовъ не будетъ,“ говорилъ приказъ, „то отдать жителямъ, которые строили, или же разрушить до основанія, дабы людей для караулу тамъ не держать, а безъ караула,

чтобы тамъ притонища ворами не было.“ Снабженный такой обширной программой, Рязанскій полкъ тронулся изъ Бронштадта въ далекий путь 7-го сентября,⁴⁷ направляясь на С.-Петербургъ, Новгородъ, Москву и Тулу, въ Епифань.⁴⁸ Весь походъ, по данному маршруту, составлялъ 975 верстъ.⁴⁹ Для подъема тяжестей, кромѣ лошадей оставшихся свободными за сдачей въ артиллерійское управление полковыхъ пушекъ,⁵⁰ переданы были намъ подъемныя лошади, остающихся при „остъ-зеѣ.“ пѣхот. полковъ: Черниговскаго и С.-Петербургскаго.⁵¹ Новизна предстоящаго дѣла, да еще такого, какъ устройство своего собственнаго, постояннаго, Рязанскаго очага, конечно, одинаково волновала, какъ офицеровъ, такъ и пижнихъ чиновъ. Слышались различныя предположенія и мнѣнія, какъ о достоинствахъ отведенныхъ для поселенія мѣстъ, такъ и о способахъ постройки. Пока же, всѣ были увѣрены въ одномъ, что, посланный впередъ майоръ Зыбинъ, съ командою, изъ одного сержанта и 2-хъ капральствъ солдатъ, на 8 подводкахъ,⁵² успѣетъ кое что приготовить для пріянія на зиму товарищей—а тамъ, что Богъ дастъ.

Подъ полковыми слободами принято обыкновенно понимать подобіе тѣхъ подмосковныхъ селъ, въ которыхъ, когда то, квартировали стрѣльцы, гвардія, Бутырскій и Лефортовскій полки. Оно и неудивительно. Самъ указъ Верховнаго Совѣта предписывалъ принять ихъ за образцы. Воображенію рисуются: большая военная деревня съ улицами, площадями для учений, церквями, громадными домами для полковаго штаба, сборными избами, полковыми школами, офицерскими жилищами и маленькими домиками для сержантовъ и 3-хъ, 10 нижнихъ чиновъ. Все это прерывается огородными землями и выгонами. Были ли, гдѣ либо, подобнаго рода военныя колоніи? Весьма сомнительно. Онѣ скорѣе существовали въ воображеніи проектирующихъ ихъ лицъ, да въ представленныхъ планахъ и чертежахъ. Рязанскому полку, по крайней мѣрѣ, съ первыхъ же шаговъ послѣ прибытія въ Епифань, пришлось убѣдиться въ полной несостоятельности бумажныхъ предназначеній. Составленная въ Петербургѣ инструкція, вовсе не была соображена—ни съ условіями данной мѣстности, ни съ образомъ жизни ея обитателей, ни съ наличными средствами полка. Она имѣла шаблонный, общій для всей Россіи характеръ. Для той великой, необятной Россіи,

гдѣ ничто не можетъ быть подведено подъ одинъ уровень. Высылая полкъ за сотни верстъ, съ определенной цѣлью, но, не провѣривъ даже, насколько инструкція примѣнима въ данномъ околдѣ, Военная Коллегія становится причастной неизбежнаго разстройства полка.

Благодаря дошедшему до насъ донесенію генераль-маіора Кампенгаузена, посланнаго для ревизіи Рязанскаго поселенія при Епифани, мы вполнѣ можемъ возстановить картину того отдаленнаго прошлаго, когда предки наши, въ суровую зиму 1727/8 г., явились въ глухой, заброшенный городокъ на южной окраинѣ Россіи. Въ виду громадной важности для насъ этого документа приводимъ его цѣликомъ.⁵³

1) „Въ 728 году, сентября 19-го дня, требовано отъ меня, писалъ Кампенгаузенъ, „города Епифани, отъ воеводы Кафтырева, чтобы кунно сомною ѣхалъ осмотрѣть удобное мѣсто для поселенія Рязанскаго полка. Итого 20-го сентября письменно отъ него воеводы отвѣтствовано: при г. Епифани мѣста, гдѣ построить и помѣстить штабной дворъ и солдатскіе слободы подъ Рязанскій полкъ, земли не отведено, того ради, что при г. Епифани государственныхъ, оброчныхъ, и монастырскихъ, и посадскихъ земель не имѣется, и потому по сіе число полку мѣста не отведено.

2) „Оный же воевода объявилъ, что въ Епифанскомъ уѣздѣ и государственныхъ и монастырскихъ лѣсныхъ угодьевъ никакихъ не имѣется, и кромѣ усадебныхъ рощъ въ архіерейскихъ вотчинахъ, и оны рощи въ разстояніи отъ города Епифани въ 13, 20, 25, 30 верстахъ, и то самое малое число. И тѣ рощи полку показаны и въ строеніе негодятся; и полковой дворъ и солдатскія слободы изъ него строить не возможно.

3) „А Епифанскіе обыватели, на строеніе своихъ дворовъ, для покунки, ѣздить въ другіе уѣзды, верстъ по 50 и по 100, и возить сухимъ путемъ, и избы строятъ больше изъ березовыхъ, ольховыхъ и осиновыхъ бревенъ длиною дву и полъ трети сажени.

4) „Изъ Епифани лѣсу водою не пригонять, ибо плавнаго ходу не имѣется.

5) „Оный же воевода объявилъ: для пастыбы, для государевыхъ полковыхъ лошадей, луговъ государскихъ, монастырскихъ и оброч-

ныхъ не имѣется, а нынѣшнимъ лѣтомъ имѣли пастьбу полковыя лошади близъ города Елифани, въ обще съ Елифанскими обывателями.

6) „Оному же Рязанскому полку прошедшую зиму была великая нужда, ибо въ Елифани во всѣхъ слободахъ только имѣется 215 дворовъ, и во всѣхъ этихъ дворахъ только имѣется по одной избѣ, самыхъ малыхъ, по $1\frac{1}{2}$ и двѣ, и полутрети сажени. Ежели бы оный воевода не разставилъ ротъ въ Елифанскомъ уѣздѣ по монастырскимъ деревнямъ, то весьма солдаты безъ хлѣба были, ибо топятъ соломою, и только въ ихъ довольствіи соломы не имѣется, чтобъ весь полкъ, также и обыватели, чрезъ всю зиму могли удовольствоваться. И солдатамъ въ томъ же имѣется великая нужда, что и бани не чѣмъ вытонить, а больные, которые въ лазаретѣ, протерпѣваютъ безъ дровъ великую, немѣрную нужду, ибо ни одного такого двора нѣтъ, гдѣ бы 5 или 6 человекъ положить въ мѣстѣ и при нихъ для надзираія надлежащее число людей.

И прошедшую зиму въ Елифани только стояло выше-штабъ, да при знаменахъ караулы, и то съ великою нуждою, а другіе, какъ выше упомянуто, разставлены были по монастырскимъ деревнямъ.

7) Въ ономъ же полку ящики, палубы и фурманы не чѣмъ почиивать, ибо лѣсу не откуда взять; и стоять нынѣ безъ кровли, только соломою снопами покрыты, отъ чего и достоль пропасть могутъ.

8) „Такоже оный воевода объявилъ, что и въ провіантѣ люди не безъ нужды, ибо провіантъ ставить никто не подражается, особливо крупы; и хотя въ ближнихъ городахъ и опубликовано однако никто къ подряду крупы не явился, и отъ того оному полку съ мая 1-го числа и донынѣ въ дачѣ крупы нѣтъ. А по тѣмъ обстоятельствамъ и важнымъ причинамъ оному Рязанскому полку не можно поселиться при Елифани, но и зимовать безъ великой нужды не можно. И по моему мнѣнію оный полкъ тамъ селиться не можетъ. А отъ Рязанскаго полку вѣдомость объявлена, что при г. Каширѣ построены штабной дворъ и прочія нѣкоторыя строенія, и ежели повелѣно будетъ имѣть имъ вѣчную квартиру при ономъ городѣ, то, кромѣ того, что и Угрою рѣкою лѣсъ пригнать можно,

идѣ же взять не откуда будетъ; а опытъ Рязанскій полкъ селить ли при Каширѣ, о томъ какъ благоволятъ Государственная Военная Коллегія.“

Приведенное донесеніе, какъ видимъ, самыми мрачными красками рисуется то положеніе, въ которомъ очутился Рязанскій полкъ въ Елифани. Нѣтъ свободныхъ земель подъ постройку, нѣтъ лѣсу, дровъ, провіанта, нѣтъ даже свосныхъ крестьянскихъ хатъ, гдѣ бы расположить людей. Допускать возможность, что воевода Кафтыревъ съ предвзятою мыслью, ради какихъ бы то ни было личныхъ видовъ, далъ столь неблагопріятныя свѣдѣнія о состояніи ввѣреннаго ему уѣзда, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Свѣдѣнія эти подтверждались, какъ полкомъ, такъ и лично, бывшимъ на мѣстѣ, инспектирующимъ, генераломъ Кампенгаузеномъ. Все сводилось къ одному: селить при Елифани полка не возможно, остается перевести его на готовыя уже квартиры въ Каширь. Последнюю просьбу настойчиво поддерживаетъ главнокомандующій войсками въ Московской провинціи, генераль-фельдмаршалъ, князь, Вас. Влад. Долгорукій. Но на это уже потребовалось Высочайшаго разрѣшенія и Военная Коллегія дѣйствительно запросила его.⁵⁴

Ревизія генераль-маіора Кампенгаузена, такимъ образомъ, имѣла серьезныя послѣдствія. Но не ограничилась она однимъ только вопросомъ о поселеніи. Инспектирующій произвелъ, кромѣ того, подробный осмотръ полку и результаты его изложилъ въ пространномъ донесеніи фельдмаршалу, кн. Вас. Влад. Долгорукому.

Вотъ въ какомъ состояніи найденъ былъ Рязанскій полкъ въ Елифани. „Люди по спискамъ явились всѣ на лицо,“ пишетъ Кампенгаузенъ,⁵⁵ „только не малое число оберъ-офицеровъ и прочихъ чиновъ нѣсколько лѣтъ въ дальнихъ отлучкахъ числятся. Ружья со штыками имѣются тульскихъ и олонецкихъ калиберовъ, причемъ нѣсколько фузей негодныхъ. Офицеры, большое число, не въ указанномъ строевомъ мундирѣ, а въ оправданіе себѣ предъявляютъ, что жалованіе и фуражныхъ денегъ имъ заблаговременно не дается и, занимая деньги, фуражъ на лошадей своихъ покупаютъ дорогою цѣною, отчего изъ долговъ выдти не могутъ. А въ солдатскомъ мундирѣ великая пестрота, а именно: въ епанчахъ, въ кафтанахъ, въ камзолахъ, въ штанахъ и шляхахъ. Во всѣхъ

оныхъ вещахъ имѣется по 5, по 14, по 16 сроковъ разныхъ приѣмовъ. И ежели повелѣно будетъ всякому полку одинъ срокъ назначить, то никогда полки въ хорошемъ видѣ не будутъ; и въ сочиненіи аммуниционныхъ табелей великій трудъ имѣется, а особливо великую нужду отъ того протериѣвають, что ундеръ-мундиръ за благовременно не дается. И всѣ въ великое оскудѣніе отъ того пришли, что принуждены изъ жалованія своего, которое дается имъ на пропитаніе, дорогою цѣною одежду себѣ покупать; а какъ ундеръ-мундиръ разомъ за нѣсколько лѣтъ дается, а случится маршъ, то принужденъ малою цѣною продать, ибо въ походѣ толкаго числа нести не могутъ. Также въ полку имѣется отъ того великая не красота, что хорошихъ шляпъ и портуней не дается, ибо шляпу, когда обмочить разъ другой дождемъ, то выступитъ изъ нея клей и становится сѣра, и крылья всѣ обвиснутъ; а портуней многое число имѣется такихъ, которыя, когда разъ другой моютъ, то лопасти становятся узкими, и шнагъ держать не могутъ, и бьются по землѣ, отчего и шнаги пропадаютъ.

„Полковая артиллерія отдана по указу въ цейгхаузы, такожъ и артиллерійскіе снаряды, и нѣкоторыя вещи. А которыя вещи при полку имѣются, исправны: Патронныя и гранатныя ящики годны, токмо въ нихъ не малаго числа патроновъ, пуль и картечь нѣтъ, о чемъ неоднократно требовано; а фурманы и прочее, что надлежитъ, имѣется въ береженіи, токмо Рязанскаго полка, который стоитъ въ Елифані, въ степномъ мѣстѣ, полковыхъ палубъ и фурмановъ, которыя надлежитъ починить, и вмѣсто ветхихъ построить новыя, управиться за не имѣніемъ лѣса невозможно, и за непокрытіемъ тѣ фурманы могутъ и достоль пропасть. И ежели оному полку будетъ сказанъ походъ, тогда ему подняться будетъ не на чѣмъ; а полковыя подъемныя и артиллерійскія лошади всѣ сыты и къ маршу годны. А экзерцицію, сперва по ротно, а потомъ полковымъ ученіемъ и палубою, свидѣтельствовала, и въ маршѣ съ полкомъ выступленіемъ и вступленіемъ въ лагери и въ прочемъ, по артикулы, явились исправны.“ Въ заключеніе инспекторъ жалуется, что, въ осмотровѣнныхъ имъ полкахъ, большая разность имѣется въ показываніи темповъ при приѣмахъ и въ размѣрѣ шага при вздваиваніи рядовъ и шеренгъ, что зависѣло отъ тѣхъ требованій, которыя предъявлялись полкамъ, состоящимъ въ различныхъ дивизіяхъ.

„А въ сочиненіи баталіонъ де-каре всякъ свои маневры имѣеть,“ говоритъ Кампенгаузенъ, „что чинится отъ гренадерскихъ ротъ, которыя нынѣ имѣются,“ и далѣе предлагаетъ семь фузелерныхъ ротъ расчесть въ восемь, „ибо, въ нѣкоторыхъ полкахъ, въ сочиненіи баталіонъ каре, гренадерская рота вся съ праваго крыла расходится по угламъ, а въ другихъ, до сочиненія каре, раздѣляютъ гренадерскую роту на оба фланга.“

„Такожде гренадерскія роты въ пальбѣ, въ метаніи гранатъ, разность имѣють, то та шеренга, которая выпалила, мечеть гранаты, то заразъ одна шеренга палить, а другая мечеть гранаты. И въ гренадерскихъ ротахъ въ барабаны бьютъ разные марши— въ полъ и вечернія зори. Такожде офицеры неравно своими протазанами дѣйствуютъ. А рекруты приему 1726 года спрашиваны порознь и персонально и явились все годны, токмо много малолѣтнихъ, и подлогомъ никакимъ они въ рекруты не отданы, и на дорогъ никакимъ образомъ не перемѣнены, и увѣчныхъ въ тѣхъ рекрутахъ нѣтъ.“

Выводы изъ осмотра полка утѣшительными названы быть не могутъ. Но, къ чести полковой администраціи будь сказано, Рязанцы ~~найдены~~ въ болѣе лучшемъ видѣ, нежели многіе другіе полки Московской провинціи, которые явились на смотръ безъ башмаговъ, въ однихъ порткахъ и старыхъ мужичьихъ кафтанахъ.⁵⁶

Полковнику Фосъ не пришлось водить полка на боевомъ полѣ и связать свое съ нимъ имя какимъ либо крупнымъ успѣхомъ на полѣ сраженія, тѣмъ не менѣе, мирное командованіе его, проходя при условьяхъ, пожалуй, болѣе трудныхъ любой обстановки военного времени, и выходъ изъ нея побѣдителемъ, даютъ право причислить его къ тѣмъ командирамъ Рязанцевъ, которые съ честью поработали на пользу полка, на славу Царю и Россіи.

Закончились смотры 1728 года. Приближалась осень и большая уже была пора приняты за устройство на зиму. Но испрошенная Высочайшая резолюція о енифановскихъ квартирахъ скоро послѣдовать не могла, а оставлять полкъ на мѣстѣ, значило, завѣдомо, губить его безъ пользы. Руководствуясь такими соображеніями, гв. Вас. Влад. Долгорукій, по собственному почину, перевелъ на зиму 1727/8 г. одинъ Рязанскій баталіонъ въ Москву, другой же,

со штабомъ полка, оставилъ въ Елифани.⁵⁷ Рѣшеніе единственнаго и цѣльсообразнаго. Весьма замѣчательно, съ точки зрѣнія современныхъ порядковъ, что Военная Коллегія о такомъ перемещеніи узнала совершенно случайно. На донесеніе командира Украинскаго корпуса, кн. Мих. Мих. Голицына, о ненадежности южныхъ границъ Россіи, разрѣшено ему усилить этотъ корпусъ нѣсколькими полками изъ Московской провинціи, а въ томъ числѣ и Рязанскимъ. Кн. Голицынъ считалъ движеніе новыхъ полковъ на югъ попреждевременнымъ и утомительнымъ въ ненастное время года. Онъ просилъ расположить ихъ только близъ границы, съ тѣмъ чтобы, по первому требованію, они могли быть двинуты въ походъ. Военная Коллегія только тогда хватилась, и стала собирать свѣдѣнія о всѣхъ полкахъ, квартирующихъ въ Московской провинціи. Добытыя справки выяснили раздѣленіе Рязанскаго полка, а слѣдовательно и невозможность быстрого его направленія къ границѣ. При всемъ этомъ, кн. Долгорукій не переставалъ напоминать Военной Коллегіи о невозможности оставить Рязанскій полкъ при Елифани, добиваясь хотя бы какого нибудь рѣшенія.⁶⁰ Но въ Петербургѣ молчали, не высказываясь—ни за, ни противъ.

Убѣдившись, что въ Елифани мѣсту для построекъ нѣтъ, Военная Коллегія только въ августѣ 1729 года подняла вопросъ—вѣз ли перевести изъ Каширы въ Елифанъ готовый полковый дворъ Рязанскаго полка? конечно, лучше всего, водою.⁶¹ Но неужели тамъ забыли прошлогоднее донесеніе г. Кампенгаузена, что, ни въ Елифанъ, ни изъ Елифани, „плавнаго ходу не имѣется.“ Вопросъ былъ слѣдовательно празднымъ, и отвѣтъ получился отрицательный. Изъ возникшей по этому поводу переписки, узнаемъ также, что стоимость нашего полкового двора въ Баширѣ до того времени опредѣлена не была, и извѣстій объ этомъ не откуда получить.⁶²

Кромѣ неурядицъ, царившихъ несомнѣнно въ военномъ вѣдомствѣ, были однакожъ и всѣскія причины, вліявшія на удерживаніе полка въ Елифани. Мы знаемъ, что, въ концѣ 1728 года, князь М. М. Голицынъ доносилъ о ненадежности нашихъ южныхъ границъ: волновались донскіе казаки изъ за выдачи бѣглыхъ, волновались Башкиры и Киргизы, а отношенія съ Турціей давно уже

находились въ положеніи весьма близкомъ въ разрыву, все изъ за тѣхъ же персидскихъ дѣлъ. Ручаться даже за завтрашній день вельзя было.

Въ первыхъ числахъ мая 1729 года прибылъ 2-й баталіонъ изъ Москвы въ г. Енифанъ и весь полкъ „для облегченія обывателямъ и для безопасности отъ пожарныхъ случаевъ поставленъ у города въ компанентъ.“ Начались „по указамъ“ воинскія экзерциціи.⁶³

Между тѣмъ, обстановка все болѣе и болѣе выяснялась, заставляя бросить всякія мысли о перемѣнѣ къ лучшему настоящихъ квартиръ. Манифестомъ 2-го іюня возвѣщено было о возможности разрыва вѣчнаго мира съ Турціей.⁶⁴ Полкамъ, повсюду, велѣно быть къ походу во всякой готовности и къ укомплектованію ихъ приступить немедленно, выбравъ для этого прежнихъ нарядовъ доимочныхъ рекрутъ, да въ новѣ 15 т. человекъ, считая съ 324 душъ по одному человекъ.⁶⁵ Рязанскому полку по разверсткѣ пришлось 50 человекъ изъ Тверской провинціи, за пріемомъ которыхъ посланъ конвой съ офицеромъ.⁶⁶ Вотъ, что читаемъ, въ данномъ пріемнику наказѣ:⁶⁷ „принимать рекрутъ не все великорослыхъ, какихъ мало гдѣ сыскать, только чтобъ были здоровы. Ниже указанныхъ лѣтъ и весьма малорослыхъ не принимать подъ штрафомъ. Платье, чтобъ было на рекрутахъ, какое въ домахъ носятъ: шуба, кафтанъ, шапка съ рукавицы, хотя и изношены, токмо не драныя, да штаны и рубашка съ порты и обувь. Мундиру на нихъ не спрашивать и чинить все безъ всякой волокиты. Довольствоваться ихъ на счетъ полка, куда приверстаны.“

Въ строевыхъ занятіяхъ и сборахъ къ походу, на всякій случай, незамѣтно протекало лѣто, а въ сентябрѣ получилась „репортиція для росписанія полевыхъ полковъ на зимнія квартиры.“ Въ ней значилось, что, по мнѣнію Военной Коллегіи, Рязанскому полку надлежитъ быть на зимнѣе квартирахъ въ тѣхъ же мѣстахъ т. е. въ Енифани.⁶⁸ Но этому уже никто не удивлялся. Въ репортиціи, единственно заслуживающее размышленія, было одно лишь добавленіе, а именно: дабы полкъ, когда о походѣ получится ордеръ отъ генералъ-фельдмаршала кн. М. М. Голицына, маршировалъ немедленно, буда повелѣно будетъ, не отписываясь, какъ о томъ,

состоявшийся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, указъ отъ 29-го марта 1729 года повелѣваетъ.⁶⁹ Возможность отписываться отъ похода для насъ конечно непонятна. Но, ежели примемъ во вниманіе подчасъ безвыходное положеніе полковъ, произволъ начальниковъ командъ, перебрасывающихъ полки, весьма часто, безъ всякой причины, съ мѣста на мѣсто, чему примѣръ подавала сама Военная Коллегія, то приведенное подтвержденіе вполнѣ объясняется. Въдѣ должны же были командиры полковъ, хотя-бы, какъ либудь, оберегати ввѣренныя имъ части!

Расположился ли весь полкъ на зиму въ Епифани и его окрестностяхъ—сказать трудно. Весьма возможно однако, что за недостаткомъ удобныхъ помѣщеній, часть его переведена была въ городъ Тулу, на что указываютъ послѣдовавшія затѣмъ въ теченіи лѣта событія.

1730 годъ,—годъ такъ полонъ важныхъ перемѣнъ въ жизни Рязанскаго полка, начался плохими предзнаменованіями. Въ ночь съ 18 на 19-го января въ Москвѣ скончался 14-лѣтній Императоръ Петръ II-й, послѣдній представитель мужской линіи царствующаго дома Романовыхъ. Вся Россія облеклась въ глубокой трауръ. Прошло еще нѣсколько дней и Рязанцы прощались съ своимъ доблестнымъ командиромъ, полковникомъ Фосъ, 16 лѣтъ безъ устали работавшимъ для полка. Въ немъ Рязанцы теряли представителя славныхъ минувшихъ временъ Петра Великаго, временъ Гаугуда, высадокъ на берега Швеціи, работъ на Ладожскомъ каналѣ и не легкихъ мирныхъ трудовъ въ два короткія царствованія. Какъ будто бы заранѣе уже, сама судьба, давая намъ новаго командира, намѣчала и новые невѣдомые до сего пути, по которымъ въ теченіи 11 лѣтъ имѣлъ слѣдовать полкъ.

Указомъ 25-го февраля командиромъ Рязанскаго полка назначенъ полковникъ, Лаврентій Борисовъ.⁷⁰ Новый нашъ командиръ началъ службу еще при Петрѣ I-мъ, въ 1700 году, 4-го сентября, а слѣдовательно прошелъ и всю Его боевую, суровую школу. Но, въ несчастію, наступали уже тѣ времена, когда съ болью въ сердцѣ приходилось постепенно отказываться отъ данныхъ русской арміи Великимъ ея учителемъ наставленій.

Съ началомъ лѣта перешли Рязанцы изъ своихъ винтеръ-квартиръ въ г. Тулу и стали въ компантъ.⁷¹ Тамъ то получился давно ожидаемый ордеръ, повелѣвающій полку выступить на югъ, въ придонскія степи, и маршировать безостановочно въ „транжаментъ.“⁷² Не дождались мы, такимъ образомъ, ни мирныхъ благоустроенныхъ вѣчныхъ квартиръ, ни замѣнившихъ ихъ полковыхъ слободъ. Впереди же ожидала бивачная жизнь въ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ среди необозримыхъ степей, какъ угроза и постоянное напоминовеніе дикимъ калмыцкимъ ордамъ о власти и могуществѣ сосѣдней Россіи.

Съ движеніемъ въ степи, къ устьямъ рѣки Дона, кончается для Рязанскаго полка мирный періодъ его жизни въ два кратковременныя царствованія послѣ Петра Великаго. Въ дѣлѣ устройства полка и боевой его подготовки онъ можетъ быть названъ періодомъ отдохновенія послѣ гигантскихъ петровскихъ реформъ. За все это время мы не видимъ крупныхъ измѣненій въ данныхъ Великимъ Учителемъ началахъ. Старое по возможности поддерживается настолько конечно, насколько хватало умѣнія, силъ и способностей у руководителей. Недостатокъ денежныхъ средствъ, измѣненія въ подушномъ налогѣ, отмѣна вѣчныхъ квартиръ и жизнь въ Елифани тяжелымъ бременемъ ложатся на полкъ. Но, благодаря усиліямъ и добросовѣстнымъ отношеніямъ полкового командира, зло это не принимаетъ обширныхъ размѣровъ. Полкъ пока выдерживаетъ напоръ неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Незначительныя измѣненія за это время послѣдовали только въ вопросахъ, касающихся корпуса офицеровъ, — да и это была намѣченная Петромъ I реформа. Такъ, указомъ 1-го іюня 1726 года, отмѣнено производство въ чины баллотированіемъ⁷³ „понеже оно чинится по страсти; производятся многіе недостойные, а достойные, не имѣя куража, приходятъ въ слабость.“ Вернулись къ порядкамъ 1714 года, т. е. къ производству съ свидѣтельствъ, по старшинству, въ первые чины, какъ оберъ такъ и штабъ-офицерскіе, что происходило по всей пѣхотѣ одинъ разъ въ годъ, въ январѣ.⁷⁴ Вакаціонное производство не стѣснялось никакимъ срокомъ. Манифестомъ 9-го іюня 1728 года пополненъ былъ также пробѣлъ въ табели о рангахъ по отношенію къ чинамъ

ундеръ-штаба, занимающимъ мѣста офицерскія, но безъ точнаго опредѣленія.⁷⁵ Съ этихъ же поръ повелѣвалось: полковому квартирмейстеру присвоить чинъ поручика, полковому адъютанту и аудитору—подпоручика, обозному, комисару, провіантмейстеру и фискалу—прапорщика, штабъ лѣкарь остался по прежнему въ чинѣ капитанъ-поручика, а лѣкарямъ данъ чинъ подпоручика.⁷⁶ Изъ выдающихся, наконецъ, распоряженій, слѣдуетъ отмѣтить разрѣшеніе представлять къ дальнѣйшему повышенію оберъ-офицеровъ не грамотныхъ и производить унтеръ-офицеровъ не дворянъ въ офицеры.⁷⁷ Послѣднее должно быть отнесено къ разъясненію, возбужденнаго по этому поводу генераль-фельдмаршаломъ, графомъ Салъгою, вопроса. Не измѣнивъ ничего въ внутреннемъ устройствѣ войскъ, въ ихъ воспитаніи и обученіи, два прошедшія царствованія не коснулись и наружнаго ихъ вида, т. е. формы одежды и проч. Слѣдуетъ однакожъ отмѣтить, что первыя попытки ввести въ русскую армію пудру, косу, манжеты и штіблеты, на прусскій образецъ, сдѣланы были при Петрѣ II-мъ. Починъ дала артиллерія, благодаря двумъ, стоявшимъ во главѣ ея, чистокровнымъ нѣмцамъ: сначала Гинтеру, а потомъ Миниху.⁷⁸

Перемѣна наименованія полка при Императрицѣ Екатериинѣ I-й вызвала утвержденіе новаго образца знаменъ; къ постройкѣ ихъ было даже приступили, но кончина Императрицы помѣшала дальнѣйшему исполненію. При Петрѣ II-мъ произведены были нѣкоторыя измѣненія въ екатерининскихъ рисункахъ знаменъ, но за предѣлы однихъ проектовъ до 1730 года знамена эти не выходили, а тамъ послѣдовали новые порядки. Достойно вниманія, что на знаменахъ того времени впервые появляется изображеніе двуглаваго орла съ гербомъ московскаго царства, Георгіемъ Побѣдоносцемъ, на груди.⁷⁹ Какъ видимъ, истекшее пятилѣтіе ничего не прибавило новаго и не измѣнило стараго, мирныя же невзгоды этого пятилѣтія еще болѣе укрѣпили, закалили Рязанскаго солдата и помогли ему стойко, съ честью, выдержать и бѣдствія начинающихся степныхъ походовъ, и напоръ нахлынувшихъ, чуждыхъ ему, нѣмецкихъ порядковъ.

